

СПЕЦНАЗ | БЕРИИ

«Уникальные боевые операции, сорванные планы врагов, спасенные жизни мирных людей – за всем этим стоят бойцы спецподразделения НКВД, подчиненного лично Лаврентию Берии».

АЛЕКСАНДР ТАМОНИКОВ

КРАСНЫЕ ТУМАНЫ. ПОЛЕСЬЯ

Спецназ Бери

Александр Тамоников

Красные туманы Полесья

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Тамоников А. А.

Красные туманы Полесья / А. А. Тамоников — «ЭКСМО»,
2020 — (Спецназ Берии)

ISBN 978-5-04-108300-7

Октябрь 1941 года. На территории Белоруссии зверствуют карательные отряды нацистов. Захватчики жгут города и села, истребляют мирных жителей, рыщут в поисках партизан. Немецкая пропаганда обвиняет коммунистов в том, что они насильно загоняют людей в леса на верную гибель. Сталин в ярости: оккупанты и клеветники должны понести суровое наказание! Для уничтожения представителей «новой власти» в район Минска направляется группа майора Максима Шелестова. У него уже есть смелый план операции возмездия. Но враг силен и безжалостен, а в его методах войны нет ни чести, ни совести – вообще ничего человеческого...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-108300-7

© Тамоников А. А., 2020
© ЭКСМО, 2020

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	20
Глава третья	34
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Александр Александрович Тамоников

Красные туманы Полесья

© Тамоников А. А., 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Глава первая

Ночью прошел дождь, и грунтовую дорогу основательно развезло. Лошадь еле тянула повозку и посуху, а тут грязь. Да еще в телеге двое упитанных мужиков. Один, который помоложе, держал в руках вожжи, второй, постарше, развалился на брезенте, брошенном на солому. Оба мужика в черной униформе, на рукавах повязки с надписью «Полиция». Рядом с ними лежали винтовки.

Старший полицейский скрутил самокрутку, набил ее махоркой, прикурил. За телегой потянулся сизый вонючий дымок.

Младший обернулся и спросил старшего:

– У тебя, Евдоким Нилыч, своя махра?

– А чего?

– Да уж слишком запах от нее терпкий. Как от костра, когда дрова жгут.

– У соседа взял, а тот, зараза, листья рубит вместе со стеблями да еще добавляет в эту смесь мелких опилок.

– Зачем? – с удивлением спросил младший полицейский.

– Затем, чтобы никто у него махорки другой раз не спрашивал.

– А как же сам?

– Ты деда Кузьму не знаешь? Для себя он хорошую махру делает, только из листьев.

– Хитрый мужик.

– Глупый он. Приютил у себя семью евреев, как будто не знает, что за ними охотятся немцы. За это и поплатится.

– Слушай, Евдоким Нилыч, а евреи, которые из райцентра сбежали, при себе поклажу немалую имели.

Старший полицейский усмехнулся и спросил:

– Ты, что, Никола, видел, как они убегали?

– Нет, мне корешок Фома Болотов шепнул, что у евреев было три баула, а у мужика, главы семейства, – саквояж старый. Да не простой, на замочек закрытый.

Старший полицейский деревни Лоза Горошинского района выдохнул дым, кашлянул и проговорил:

– Что-то я тебя не пойму, Никола. Ты на что намекаешь?

– Фома говорил, что этот самый Годман Иосиф Абрамович в районной больнице дантистом работал.

– И что?

– А то. Он принимал клиентов не только в больнице, но и на дому. Фома говорил, фиксы ставил. И еще золото втихаря скупал.

Старший полицейский Евдоким Буганов поморщился и проговорил:

– Много знает твой Фома. И когда только успел? Его в каком году на зону определили?

– В позапрошлом. Семь лет дали. Фому немцы из лагеря выпустили.

– Вот. Он с позапрошлого года ни в районе, ни на деревне не был, а все знает. Или, может, ему сами евреи о своих делах поведали?

Шмаров шмыгнул носом и проговорил:

– Я не знаю, откуда Фома прознал про Годмана, сам навел справки. Дантист он. Жена Сара Абрамовна тоже врачиха, только по женской части. Она наверняка левые аборты делала. А это деньги немалые. Я уж не говорю о дантисте. Ты видел, как они были одеты, когда Кузьмич их привез? Костюмы, платья дорогие у Годмана, жены и детей. Это потом Кузьма Кузьмич их переделал, а когда приехали, что ты, прямо как помещики заявились в родовое гнездо.

Буганов выбросил в грязь окурки и спросил:

– Ты что, Никола, завидуешь им?

– Еще чего. Кто же мертвякам завидует?

– Они еще живы.

– Все одно мертвяки, раз вовремя не ушли на восток, хотя такая возможность у них была.

Вон из Гороша сколько евреев свалило. Весь вокзал был занят ими не один день. Но ведь есть такие, которые остались, в том числе и семейка Годмана. Не пойму я этого, Евдоким Нилыч. Ведь знают, что немцы их в покое не оставят, а не уехали. Почему?

– Это ты у них спроси. Не уехали – пусть на свою тупость пеняют.

– Евдоким Нилыч, ведь немцы порешат евреев, так?

– Ну, порешат, и чего?

– В общем, каратели грохнут евреев и все их добро заберут. Я очень сомневаюсь в том, что золото и другие ценности, припрятанные Годманом, попадут в казну районной управы. Поэтому давай, как вернемся, устроим Годманам шмон. Все, конечно, забирать нельзя, возьмем половину. Думаю, нам и этого будет за глаза.

Буганов внимательно посмотрел на Шмарова и спросил:

– Ты сам надумал грабануть евреев или, может, Фома Болотов тебя на это толкает?

Шмаров сдвинул кепку на затылок и заявил:

– А если и Фома? Так даже лучше. Он грабанет, а мы его повяжем или пристрелим при попытке к бегству. И получится, Евдоким Нилыч, что бывший зэк вернулся в деревню и обобрал евреев. Допустим, я увидел его на улице с саквояжем, который он обязательно заберет, хотел задержать, а он на меня с ножом. Вот я его и прибил. Саквояж я так припрячу у себя в огороде, что никто никогда не узнает, был ли он вообще. Евреев особо спрашивать не будут. А если и допросят, то те укажут на Фому. Я же скажу, что не было при нем ничего, только нож. И добыча окажется у нас, и к грабежу мы отношения иметь не будем, напротив, завалим уголовника. Да мы даже и знать не будем, что Фома грабитель. Он просто окажется на улице с ножом и под хмельком да набросится на сотрудника полиции, за что полагается смертная казнь. Мы обязаны охранять порядок на деревне, вот и выполним свои обязанности. Как о том думаешь, Евдоким Нилыч?

Старший полицейский усмехнулся и сказал:

– Смотрю, в глазах огонь загорелся. Ты и без меня все уже решил.

– Может, и решил, но без твоего разрешения на дело не пойду. Велишь мне выбросить из головы эту затею – будет по-твоему. Только Фому уже не остановить. Он сдуру может и порезать евреев, ему это раз плюнуть. Немцы заявятся, а казнить прилюдно и некого. Думаешь, простят нам это? Да начальник полиции Калач на нас отыграется, чтобы выслужиться перед бургомистром и комендантом. Глядишь, и к стенке поставит. Или того не может быть?

Буганов свернул очередную самокрутку, ненадолго задумался, потом проговорил:

– А ты, Никола, умней, чем я думал. Чего же ты в колхозе при Советах не поднялся, а все в коровнике навоз чистил? С твоей башкой можно было и в начальство пробиться. По евреям вон какую тему замутил.

– То раньше было, нынче другое время. При Советах колосок с поля возьмешь – и в лагерь загремишь, а сейчас воля, свобода. Так чего ты по делу скажешь? А то скоро уже и райцентр.

Буганов глубоко затянулся и сказал:

– Ладно, согласный я. Но только все на тебе. Я ни при чем. Сам с Фомой все решишь, да так, чтобы евреи живы остались.

Щербатая физиономия Шмарова расплылась в довольной ухмылке.

– Не сомневайся, Евдоким Нилыч, все будет как надо. Нас еще наградят за примерную службу.

– Ты озаботься, чтобы саквояж не нашли, если повальный обыск устроят. Про него наверняка не только вы с Фомой знаете.

– Спрячу так, что ни одна собака не найдет. Я недавно сортир переставил, старая яма уже заполнилась дерьмом до отказа. Вот в нее и затолкаю саквояж. Кто в ней копаться станет? Даже если и штырем тыкать будут, все равно не найдут. На самое дно затолкаю.

Буганов сплюнул и заявил:

– О таких подробностях мог бы и не говорить.

– Так я для того, чтобы ты спокоен был.

– Ценю. Но учти, делить добро позже будем так: две трети мне, одну – тебе.

– С чего так-то?

– А с того, что я начальник. Либо так, либо никак. А Фому я арестую к чертовой матери по приезду в деревню.

Шмаров подумал и кивнул.

– Лады. Пусть так.

– Все, води лошадь к церкви. Там встанешь и ждать меня будешь.

– А разве в управу не поедем?

– Ты делай то, что тебе сказано, Никола. Вот станешь вместо меня, тогда будешь начальствовать, а сейчас исполняй приказ.

– Ладно. К церкви, так к церкви. Только неудобно там.

– Со стороны алтаря встанешь. Колодец рядом, клячу напоишь.

– Слушаюсь!

Шмаров подогнал повозку к церкви, в которой в советские времена был склад зерна. Буганов слез с телеги, навесил на плечо винтовку, пошел по улице Береговой, ведущей к реке, у крайнего подворья остановился, осмотрелся. Во дворе вроде никого.

И вдруг сзади раздался голос:

– Ты опоздал, Евдоким.

Буганов резко обернулся.

За плетнем среди кустов сарая стоял начальник полиции района, бывший директор автобазы Мирон Фадеевич Калач. Он был в штатской одежде, но из-под пиджака явно проглядывала кобура.

– Извиняйте, господин Калач, молодых лошадей забрали, остались одни клячи.

– Не продолжай. Справа калитка, заходи и шагай по тропинке в дом.

– Угу, понял, господин Калач.

Начальника полиции жители района боялись больше, нежели немцев. На его совести были сотни красноармейцев, захваченных при выходе из окружения и замученных в подвалах местной тюрьмы, коммунистов и комсомольцев, которые не успели уйти из города, членов их семей, обычных обывателей, нарушавших порядок, введенный с приходом немцев. Всем было известно, что Калач лично допрашивал офицеров Красной армии, представителей партийного и советского актива района. Он долгое время жил рядом с этими людьми, дружил с ними, участвовал в разных мероприятиях.

Этот бывший поручик царской армии переметнулся на сторону красных и возглавил небольшой отряд в далеком Туркестане. Затем он был начальником лагеря, где отбывали сроки политзаключенные. Калач вернулся в родной Горош в тридцать седьмом году. Этот кавалер ордена Красного Знамени, партиец, был назначен директором районной автобазы.

Он умело скрывал свою истинную личину. Никто в райцентре и подумать не мог, что орденосец Мирон Фадеевич Калач с тридцать девятого года работал на немецкую разведку. Он был завербован в Москве проституткой, оказавшейся агентом абвера.

Новые хозяева оценили его работу. Когда немецкие войска оккупировали этот район, Калач, на удивление многих, был назначен начальником местной вспомогательной полиции.

Совсем скоро о его личных допросах по Горошу поползли страшные слухи. Это были отнюдь не пустые сплетни. Они вполне начали оправдываться, когда на площади перед бывшим райкомом партии на месте снесенного памятника Ленину неожиданно возникли пять виселиц. Полиция согнала к ним всех, кого можно было. Из подвала райкома они вывели двадцать советских активистов, избитых, покалеченных. Калач собственными руками надел петли на их шеи, выбил табуреты, проходя от одной виселицы к другой.

Народ ахнул. Немцы из оккупационной администрации и командиры подразделений, приданных ей, смотрели на казнь со стороны.

Потом полиция привели на площадь семьи казненных, тех, кого сумели захватить. Шесть женщин, двенадцать подростков, пятеро детей. Все связанные. Они опухшими от слез глазами смотрели на повешенных мужей и отцов.

Мест на виселицах не было. Калач после короткого жеста коменданта райцентра штурмбанфюрера Фишера приказал своим полицейам поставить семьи казненных к стене райкома. Забились в истерику женщины, закричали подростки и дети, ничего не понимавшие.

Калач шел вдоль строя и стрелял из пистолета в затылок несчастным жертвам. Его «ТТ» имел магазин емкостью в восемь патронов, а расстрелять надо было двадцать три человека, так что ему пришлось дважды перезаряжать оружие. Калач делал это не спеша, аккуратно, словно не убивал женщин и детей, а занимался обычным делом на своей автобазе.

После расстрела Калач поднялся на трибуну, где находился штурмбанфюрер Фишер. Рядом с ним стоял глава района, бургомистр Станислав Григорьевич Роденко, в недавнем прошлом директор Горошинского ремесленного училища. Когда-то он был подпрапорщиком в армии Колчака, тоже встал на сторону Советов и дослужился в РККА до командира эскадрона. Компанию им составляли офицеры рот охраны и СС, переведенной в район из состава батальона, расквартированного в Минске. Командовал им штурмбанфюрер Марк Хавер.

Речь о поддержании нового порядка должен был произнести бургомистр, но листок с текстом так дрожал в его руках, что комендант приказал начальнику полиции:

– Говори ты, Калач!

Он произнес речь, смысл которой, впрочем, никто из местных жителей не понял. Все они были поражены кровавой казнью, которую провел бывший директор автобазы.

А через сутки из Минска в Горош были доставлены сорок семей евреев. Их должны были разместить в гетто, но городская администрация не успела подобрать подходящую жилую зону, а посему полиция вывезли всех в лес и расстреляли в овраге. Мирон Калач отличился и там. Он уничтожил из пулемета более двадцати несчастных евреев.

Немного позже официанты единственного в райцентре ресторана, называвшегося в довоенные времена «Парус», а теперь переименованного в «Мюнхен», рассказывали, как немцы обсуждали жестокость Калача. Даже им в диковинку было, что начальник полиции для пыток использовал гаражный инструмент. Он домкратом ломал ноги и руки, плоскогубцами крошил пальцы, вырывал ногти. Этот негодяй особенно любил пытки паяльной лампой.

Мирон Калач быстро заслужил репутацию крайне жестокого и беспощадного прислужника оккупантов и прозвище Изверг. Его изуверские методы стали известны даже генерал-комиссару Белоруссии Вильгельму Кубе, резиденция которого находилась в Минске.

Калач вовсю старался сделать карьеру. Он, как и многие предатели того времени, был абсолютно уверен, в том, что СССР падет до ноября сорок первого года, и первой ступенью своей карьерной лестницы видел должность бургомистра. Сначала пусть районного центра.

Буганов прошел в приземистую хату. Внутри чисто, два стула, стол, лежанка, плотная занавеска между двумя комнатами. В двери сеней вделан крепкий замок немецкого производства. Впрочем, сейчас они были открыты.

Он присел на стул.

Следом вошел начальник полиции, устроился напротив, достал из кармана пиджака какую-то схему, расстелил ее на столе, бросил рядом пачку немецких сигарет, зажигалку.

– Угощайся, Евдоким.

– Благодарю, господин Калач, но я привык к махорке.

Начальник полиции поморщился и заявил:

– Разве можно привыкнуть к этой гадости? Конечно, и немецкое курево, между нами говоря, полная дрянь, это не советские папиросы, однако мы, представители новой власти, должны соответствовать установленному порядку. Ты давно в ресторане не был?

Этот вопрос оказался неожиданным и неуместным. Но он был задан.

– В ресторане? Это в «Парусе», что ли? – спросил Буганов.

– В ресторане «Мюнхен». Он сейчас так называется.

– Я и раньше, в советские времена, туда заходил всего пару раз, да и то в буфет. Хотя нет, был как-то и в зале. Не понравилось мне там, шумно и дорого.

– Зайди. Конечно, не прямо сейчас и не сегодня, а как выпадет свободное время. Ты будешь приятно удивлен.

– Интересно, чем именно?

– И чем, и кем, – сказал Калач и поднес зажигалку старшему полицая деревни Лоза. – Там сейчас все по-европейски, всякий сброд туда не пускают. Сейчас в ресторане можно хорошо выпить, закусить, сыграть в карты, побаловаться с девочкой, а то и не с одной, если угодно.

– Там что, и бордель?

Калач усмехнулся.

– Бордель в бывшей школе, он для солдат, а в ресторане кабинеты. Мне пришлось изрядно потрудиться, чтобы набрать туда молодых, хороших, фигуристых и не страдающих всякими предрассудками дам.

– Из райцентра?

– Из Минска тоже привез пяток женщин, которые не прочь поразвлечь мужчин. Обязательно сходи. Один раз на этом свете живем. Раньше ты того, что увидишь в ресторане, и представить себе не мог.

Буганов кивнул.

– Слушаюсь, господин Калач! Обязательно зайду в ресторан, как только выпадет такая возможность.

– Это не приказ, который надо выполнять, а всего лишь дружеский совет. Но ладно. Хватит о пустом, перейдем к делу. Что скажешь по Годману?

– Он и его семья у нас в деревне.

Начальник полиции откинулся на спинку стула.

– Отлично! А я уже опасался, что они в лес к партизанам уйдут. Надеюсь, семейка под контролем?

– Так точно!

– Оставь, Евдоким, официальность. Мы не в управе.

– Да, семья контролируется. Она у известного в районе деятеля прежней власти, бывшего управляющего отделением колхоза имени Ильича.

– У Тимофеева?

– Да, у Кузьмы Кузьмича. Он и вывез их из Гороша.

– И как только смог? У меня здесь за дантистом двое полицейских смотрели.

– Точно не знаю, но объявились они недавно, третьего или четвертого дня, под вечер.

– Ну и ладно, узнаем, как Кузьмич смог увести евреев у нас из-под носа.

Буганов хотел сказать «у вас из-под носа», но, как и все остальные местные жители, боялся Калача, потому смолчал.

– У Годмана с собой были вещи?

– Три баула и саквояж с замком.

– Откуда такая точность?

Старший полицейский из деревни Лоза рассказал о проворности бывшего зэка.

– Ай, пройдоха, проныра! – воскликнул Калач. – Чуйка у этого грабителя работает отменно. Он уже нацелился на добро дантиста.

– Да, и моего полицейского Шмарова соблазнил на темное дело.

О том, что он сам одобрил грабеж, Буганов предпочел умолчать. Он понял, что Калач имеет свой интерес к еврейской семье. Это значит, что влезать в его дела смертельно опасно.

– И что Шмаров? – осведомился начальник районной полиции.

– Так я же начальник в Лозе, Мирон Фадеевич, и у меня на службе строго. О предложении Фомы Болотова насчет того, чтобы пожить с добром евреев, Николай сразу доложил мне. Я запретил ему иметь дело с бывшим зэком, пригрозил доложить вам, что сейчас и сделал.

– Ты правильно поступил, – сказал начальник районной полиции, достал из кармана сигарету, прикурил и пробурчал: – Ну и гадость эти немецкие сигареты!

Буганов услужливо предложил:

– Махорочки?

– Нет уж, спасибо, если травиться, то европейским табаком. Значит, Фома надумал ограбить Годмана?

– Да. Но до ночи на подворье Кузьмича он не сунется.

– Он вообще не должен туда соваться. Как вернешься, немедленно арестуешь Фому.

– А повод?

– Он тебе нужен?

– Фома не простой селянин.

– Тогда повод для ареста – мой приказ. Этого достаточно?

– Да, более чем достаточно. Одно ваше имя наводит страх на всех.

Калач довольно усмехнулся и заявил:

– Так и должно быть.

– Есть вопрос, Мирон Фадеевич.

– Давай.

– Арестую я Болотова, а дальше что?

– А дальше смотри за деревней и особенно за подворьем Тимофеева. Ты ни при каких обстоятельствах не должен упустить их. Ты меня понял? Евреев ни в коем случае не трогать! До утра смотреть за ними особенно пристально.

– А что утром?

– Увидишь.

– Понял, Мирон Фадеевич.

– Еще ко мне вопросы есть?

– Вы достали какую-то бумагу, но так и не притронулись к ней.

– Это уже не важно. – Начальник полиции свернул лист, положил в карман. – Повторяю: Болотова арестовать и посадить так, чтобы не сбежал, контролировать обстановку и порядок в деревне, особенно смотреть за Тимофеевым и евреями.

– Понял. Все будет исполнено, Мирон Фадеевич.

Начальник районной полиции затушил окурок и неожиданно спросил:

– Выпьешь водки?

– Это немецкого шнапса?

– Нет, еще советской, казенной.

– Предпочитаю собственный самогон, прошу извинить.

– Да за что извиняешься? Отказался и правильно сделал. Если бы ты согласился, то я бы тебя наказал. Это к тому, что до утра завтра ни капли – ни водки, ни самогона, ни коньяку, ни браги. Уяснил?

- Да я коньяк только на полке в магазине и видел.
- Я спросил, уяснил? – повысил голос начальник полиции.
- Так точно, господин Калач!
- Молодец. Свободен!
- Слушаюсь!

Буганов вышел из хаты, прошел улицей до церкви, подошел к повозке.

Полицай Шмаров спал на брезенте.

Старший взял винтовку подчиненного, ударил его прикладом по ноге.

Шмаров очнулся, схватился за голень.

– Ты чего, Евдоким Нилыч?

– Какого хрена спать улегся?

– Сморил.

– Сморил? – повысил голос старший полицай. – А где винтовка?

– Так у тебя.

– У меня, а могла быть в руках у кого угодно. Ты совсем спятил, завалился спать в поселке, где рядом непонятно кто шастает! Вот увели бы оружие, а то и тебя пришили бы, чего тогда?

Шмаров поднялся.

– Виноват, Евдоким Нилыч, больше не буду.

– Ты дите малое или представитель власти?

– Хватит, Евдоким, я все понял. Едем на деревню?

– Да, – ответил Буганов и залез в телегу. – Там ты первым делом находишь Фому и приходишь с ним в управу.

– План составлять будем?

– Ага, план.

Буганов не хотел спугнуть Болотова, поэтому решил до времени не говорить о приказе Калача.

Полицаи направились в Лозу.

Калач пошел в районную управу.

Люди, завидев его, переходили на другую сторону, старались укрыться в проулках. Никто не хотел связываться с Извергом. Начальник полиции видел это и довольно ухмылялся. Ему удалось добиться своего. В поселке и всем районе хозяйничали не немцы, не бургомистр, этот вонючка Роденко, который заполучил должность благодаря связям, а он, Мирон Фадеевич Калач.

В управе он пробыл недолго, вскоре зашел в комендатуру, которая находилась по соседству, в здании бывшего районного военкомата. Охрана из роты обер-лейтенанта Ганса Хермана пропустила его без досмотра. Он поднялся на второй этаж, в кабинет военкома, который сейчас занимал комендант, фактический руководитель района штурмбанфюрер Анкель Фишер.

В приемной сидела Елена Скорик, дамочка тридцати лет, бывшая продавщица продмага, а сейчас секретарша и по совместительству любовница шефа.

– Привет, Ленка! – сказал ей Калач.

Дама подняла глаза на начальника полиции и заявила:

– Для кого Ленка, а для кого Елена Владимировна.

– Чего? Это ты кому сказала, шалава, подстилка немецкая?

Женщина покраснела, на скулах у нее заиграли желваки:

– А вот сейчас пойду и скажу господину Фишеру, как вы меня, господин полицай, назвали.

Калач шагнул к столу, сдвинул печатную машинку, сбросил на пол кипы документов, навис над секретаршей.

– Оборзела, да? Возомнила себя большой начальницей? Ну так иди к своему шефу, жалуйся, вот только долго ли после этого проживешь со своим вырожденком жидовским? Переулок, где стоит твоя хата, темный, глухой. Там вас очень даже можно тихо кончить. Ну?

У Елены был шестилетний сын Толик. Когда она уходила на работу, он находился у бабки-соседки, которая за небольшой паек смотрела за ним. Отец Толика был не евреем, а грузином. Они с Еленой развелись накануне войны. Мальчику достались от него черные кучерявые волосы.

– Ты чего это, Калач? – Секретарша отшатнулась от него.

– Не «ты», шалава, а «вы», и не Калач, а Мирон Фадеевич, и не полицай, а начальник полиции. А что я? Я ничего, предупредил. Кто против меня идет, тот не жилец, поняла?

– Да. Извините, господин Калач... Мирон Фадеевич. Это от усталости, работы много.

Начальник полиции ощерился.

– Особенно в кровати, в комнате отдыха господина Фишера, так?

– Это личное.

– У себя комендант?

– Да, Мирон Фадеевич.

– Сообщите, что я пришел.

– Одну минуту. – Секретарша ломанулась в кабинет, тут же вышла обратно и сказала: – Проходите, господин Калач. Господин Фишер ждет вас.

– Он один?

– Пока да, но должен подойти гауптштурмфюрер Бонке.

– Ты и ему даешь между делом?

– Мирон Фадеевич, я не проститутка.

– А разве немцы платят таким, как ты? Ладно, не суетись, работай.

Начальник полиции зашел в кабинет коменданта.

Штурмбанфюрер СС Анкель Фишер развалился в старом кожаном кресле за столом, сверху обшитым зеленой материей.

– Разрешите, господин комендант?

– Входи, Калач, – по-русски разрешил Фишер.

Впрочем, Калач за два года научился понимать немецкий и кое-как говорить на нем. Он заранее готовился к приходу гитлеровцев.

Начальник полиции встал у стола.

Штурмбанфюрер посмотрел на него.

– Не узнаю тебя, Мирон. Тебе отдельное приглашение присесть требуется?

– Нет, господин Фишер, извините. – Калач сел на стул через стол от коменданта. – Я по еврейку Годману.

Штурмбанфюрер оживился.

– Слушаю.

– Нашелся дантист в деревне Лоза. Это по дороге...

Комендант перебил его:

– Я знаю, где находится эта деревня, тем более что там тоже будет проводиться операция, речь о которой еще впереди. Говори о дантисте.

Калач в общих чертах знал, что немцы собираются провести в районе какую-то акцию. Впрочем, это не касалось Годмана. По тому персонажу как раз все было понятно.

– Да, конечно. Я недавно встречался со старшим полицейским из Лозы, он сообщил, где скрывается семья Годмана. Ее привез из поселка некий Кузьма Тимофеев, бывший управляющий отделением колхоза «Заветы Ильича», и укрыл на своем подворье. Примечательно, что Фома Болотов, местный житель, вернувшийся из мест лишения свободы, видел, как евреи заезжали на подворье Тимофеева.

Штурмбанфюрер прикурил сигарету и заявил:

– Ближе к делу, Мирон.

– Так вот, этот Фома видел три баула с вещами, а у дантиста был при себе саквояж.

– Как смог этот Тимофеев вывезти из поселка интересующую нас личность да еще вместе с семьей?

– Не знаю. Наверное, он спрятал евреев каким-нибудь хламом в телеге.

– Мужчину, женщину, подростка и двух девочек, уже далеко не грудных?

– В этом нет ничего удивительного. Местные умудрялись и по две еврейских семьи выводить в деревни.

– Ладно. Надеюсь, ты обыскал квартиру Годмана?

– Не вижу в этом необходимости, господин штурмбанфюрер. Евреи уезжали, совсем не имея намерений возвращаться. Значит, все ценное у них с собой.

– Это непорядок, Мирон. Приказываю ночью обыскать квартиру, а также места проживания тех людей, которые когда-либо тесно общались с Годманом.

– Слушаюсь, господин штурмбанфюрер! Но смею заметить, что таких лиц в городе нет. Мне хорошо известно, что семья Годмана вела крайне замкнутый образ жизни. Ни у Иосифа, ни у его жены Сары не было ни друзей, ни подруг. Жили по принципу «мой дом – моя крепость» и все свое добро всегда держали при себе.

– Но квартиру этого паршивого еврея обязательно обыщи.

– Слушаюсь, господин штурмбанфюрер!

– Займись этим лично, не привлекая подчиненных и вообще ненужного внимания. Скорее всего, ты действительно ничего там не найдешь, но обыск провести надо. Евреи – очень хитрый народ. Они могли оставить в тайнике что-то ценное, договориться с кем-нибудь, чтобы этот человек потом привез добро в то место, где оседет семья. К сожалению, слишком много русских, белорусов, украинцев помогают этим отбросам рода человеческого.

– Я все понял, господин штурмбанфюрер.

– Займись этим немедленно! В восемнадцать часов доложишь о результатах обыска и примешь участие в совещании. Тогда и узнаешь подробности предстоящей операции. – Фишер усмехнулся и добавил: – Уверен, тебе это понравится.

– Да, господин штурмбанфюрер.

– Не смею задерживать.

Начальник полиции вышел из кабинета, зыркнул черными глазами на секретаршу:

– Смотри у меня тут, шлюха! – прорычал он и покинул комендатуру.

У входа Калач встретился с гауптштурмфюрером Бонке, командиром роты СС, переброшенной сюда из Минска. Цель этой переброски никому, кроме, естественно, коменданта поселка, известна не была. Вроде и незачем держать в Гороше шестьдесят девять эсэсовцев, шесть мотоциклов с коляской, вооруженных пулеметами «МГ-34», и семь бронетранспортеров с аналогичным оружием. Но рота СС в райцентре стояла. Это была данность, обсуждать которую не имело смысла.

– Добрый день, господин гауптштурмфюрер! – поприветствовал командира роты начальник полиции.

– Добрый, господин Калач. Вы от коменданта?

– Да. Надо было решить пару вопросов.

– Это ваше дело. Кто у него еще?

– Никого. Только секретарша.

– Очаровательная фрау Хелен?

– Вы считаете ее очаровательной? – с усмешкой осведомился Калач.

– А вы нет? Тогда у вас плохой вкус. Но не будем терять время. Всего хорошего, герр Калач.

– И вам того же, герр гауптштурмфюрер.

Командир роты поднялся к Фишеру и учтиво поцеловал руку секретарше, от чего та зарделась. Эта женщина ему нравилась. Он видел, что она с превеликой радостью оказалась бы с ним в постели. Но Фишер держал ее крепко.

– Рада вас видеть, господин Бонке.

– А я как рад. Может быть, как-нибудь сходим в ресторан, фрау Хелен?

Женщина вздохнула.

– Я бы с удовольствием, но что скажет об этом господин штурмбанфюрер?

– Понимаю, у вас отношения. Жаль.

– Мне тоже.

Гауптштурмфюрер вздохнул и проговорил:

– Время изменчиво. Сегодня одно, завтра – другое. Возможно, мы с вами... – Он приложил тонкий палец к губам. – Но об этом не сейчас.

Женщина закивала.

– Конечно, Вилли. Я могу вас так называть?

– В неформальной обстановке.

– Само собой.

Бонке вошел в кабинет коменданта.

– Хайль!

Штурмбанфюрер ответил:

– Хайль! Вилли, проходи, садись. Уточним план операции «Листопад».

– Я готов.

Они склонились над картой.

Говорил в основном комендант, командир роты СС иногда вставлял реплики, задавал уточняющие вопросы.

Офицеры закурили, и штурмбанфюрер нажал кнопку вызова секретарши.

Та вошла тут же.

– Да, господин Фишер?

– Сделай, Хелен, нам с гауптштурмфюрером по чашке кофе из запасов, что присланы мне из Африки.

– Слушаюсь! Что-нибудь к кофе?

– Что-нибудь есть у меня, только кофе.

– Да, господин Фишер.

Приготовление благоухающего напитка не заняло много времени. Вскоре Елена внесла в кабинет поднос с двумя крохотными чашками, и дивный аромат заполнил все помещение.

– Марокканский кофе, – сказал Фишер. – Лучший в мире.

Гауптштурмфюрер улыбнулся и заявил:

– По-моему, все лучшее производится в Германии.

– Да, но не кофе и не коньяк. Я хочу предложить тебе французского коньяка к кофе.

– Не откажусь.

Гитлеровцы выпили по пятьдесят граммов коньяка и по чашке кофе.

После этого Бонке спросил:

– Вы уверены, Анкель, что предстоящая операция вызовет нужную нам реакцию партизан?

– Абсолютно, иначе не представлял бы ее на утверждение в Минск. Там операцию одобрил сам генерал-комиссар Кубе.

– Это мне известно. Что ж, будем надеяться, что все пройдет по нашему сценарию и мы избавимся от партизанской заразы в районе хотя бы на время.

– Мы избавимся от этой заразы навсегда. В границах района нашей ответственности, естественно. Как только германские войска возьмут Москву и пойдут дальше к Уралу, сопротивление на местах потеряет всякий смысл.

Командир роты СС заметил:

– Русские непредсказуемы, Анкель. Когда-то Наполеон разгромил армию Кутузова, занял Москву, разграбил и сжег ее. Потом он пошел обратно, и что в итоге? Его войска попали под удары партизан, что и погубило их.

– Наполеона погубило другое. Ему следовало не гулять в Москве, а преследовать армию Кутузова. Надо было отходить на запад другими дорогами или перезимовать в Москве, но что теперь об этом говорить? Фюрер не Наполеон, он знает, как воевать против России, доказательством чему являются успехи нашей армии, за короткое время оккупировавшей огромные территории. Кстати, сегодня пришло сообщение о взятии Киева.

– Я слышал. Это, конечно, очень хорошо. Фюрер несомненно гений. Однако нигде в Европе мы не сталкивались с таким ожесточенным сопротивлением, как в России. Интуиция мне подсказывает, что под Москвой дело сложится не так, как в других местах. Сталин будет держать оборону до последнего солдата.

– Значит, он и станет этим последним солдатом.

– Посмотрим. Я уважаю ваш оптимизм, но у нас есть свой район и предстоящая операция. Я бы пока сосредоточился на ней.

– В восемнадцать тридцать начнется совещание, Вилли. Прошу не опаздывать.

– Вот черт, Анкель! Как не вовремя. Я хотел посетить «Мюнхен». Там объявилась хорошенькая молодая украинка.

– Ты успеешь к своей украинке. Хотя ради такого развлечения тебе придется пожертвовать сном.

– Это не проблема, Анкель. Я могу идти?

– Да, конечно.

В приемной Бонке улыбнулся секретарше.

– До свидания, Хелен.

– До свидания, Вилли.

Гауптштурмфюрер в отличном настроении прошел в расположение роты, которое находилось в сборном распределительном пункте бывшего военкомата.

В два часа пополудни повозка с полициями из Лозы въехала в село Ясино.

– Заезжать к нашим будем? – спросил Шмаров.

– А что у них делать? У всех свои дела.

– А в селе, смотри, народ работает.

– Тут людей много, да и главную усадьбу колхоза немцы не тронули. Оставили все, как было, только расстреляли председателя да парторга. Виктор Вешин, агроном прежний, в партизаны, говорят, подался.

– Черт бы побрал этих партизан. И чего мужикам в селах и в деревнях не сиделось. Работали бы как прежде, жили нормально. Немцы только партийцев, активистов, евреев да цыган стреляют, остальных не трогают. Нет, надо в лес, чтобы гадить новой власти.

– Немцы им разгуляться не дадут. Отловят всех и перевешают.

– Угу, только как бы эти партизаны к нам в деревню не появились. Тогда, Евдоким Нилыч, болтаться на виселице нам придется.

– Сплюнь, идиот! Еще накличешь беду. Но у нас-то им вроде делать нечего. Из деревни в партизаны немногие подались, шесть человек. Мы их всех знаем.

– Они наверняка заходят к родным. Жрать-то надо.

– Пусть заходят. Они нас не трогают, мы их не замечаем. В нашем положении надо вести себя аккуратно.

За селом Шмаров повернулся к Буганову и спросил:

– А как тряханем еврея-дантиста, немцы не придут разбираться с нами?

– Кто их знает.

– Слушай, Евдоким Нилыч, а может, нам с добром евреев свалить из района?

– Куда?

– Да в тот же Минск. У Фомы наверняка есть там дружки. Новые документы справим, устроимся в артель какую-нибудь. Потом свою откроем. Туда уж точно партизаны не сунутся.

– Партизаны не сунутся, а немцы найдут.

– Но и на деревне оставаться опасно.

– Ты правь лошадей, а то налетим на валун, отлетит колесо. Что делать-то будем?

– Я правлю.

– И помолчи. Сначала дело сделать надо, потом посмотрим.

– Лады.

В деревне Шмаров передал повозку пацаненку, крутившемуся у управы. Это было здание бывшего сельсовета, где ранее размещались управляющий отделением колхоза и парторг, имелся кабинет участкового милиционера. Теперь тут сидели староста с помощником, писарь и полиция. Из помещения участкового они сделали небольшую тюрьму на две камеры.

– Ступай за Фомой. Я буду в кабинете, – сказал Буганов Шмарову.

Тот усмехнулся и заявил:

– Нашел тоже кабинет. Так, каморка.

– Какой ни есть, а кабинет. Зубы мне не заговаривай, ступай за Фомой, но до того пройди к соседу Кузьмича, проведай, все ли у Тимофеева в порядке. Я имею в виду евреев. Не приведи бог они уехали. Тогда с нас Калач головы вмиг снимает.

– Нет, не уехали. Не дали бы Фома и Иваныч, который глядит за подворьем Кузьмича. Да и куда им ехать?

– В лес. Но ладно брехать, пошел!

– Ты бы повежливей, Евдоким Нилыч. Я же тебе не батрак. Тоже на должности.

– Ладно, извини.

Шмаров ушел.

Буганов отправился в контору.

Дверь, ведущая в кабинет старосты, была открыта. Василий Акимович Косарев сидел за столом, морщил лоб, что-то писал и постоянно протирал перо ручки.

Старший полицейский зашел к нему.

– Приветствую, Василь!

– Это ты, Евдоким. Как съездил в район?

– Как обычно. Ничего хорошего, когда вызывает начальство, ожидать не приходится.

– Это да, особенно если начальник такой, как Мирон Калач, редкой жестокости человек. А ведь раньше порядочным был, другим.

– Все мы раньше другими были. Вот ты кем числился? Агентом по снабжению, мотался по району по указу Кузьмича, а сейчас? Староста. Самый большой начальник в деревне. У тебя и помощник, и писарь. Кстати, где он?

– Отправился в город к родне.

– То-то гляжу, сам чего-то пишешь. Докладную, что ли?

– Отчет, черт бы его побрал. Немцы строгий порядок ввели, вот и отчитывайся, куда ведро с пожарного щита делось. Спер его кто-то. Обычное дело, а целую бумагу писать надо. Что ухмыляешься? Тебе тоже придется отчитываться. Ведро само собой исчезнуть не могло, значит, стащили его, а это уже по твоей должности дело. Кража, понимаешь?

– Да ну ее к черту, эту кражу. Я свое ведро лучше повешу на этот никому не нужный пожарный щит.

Косарев отложил ручку.

– Свое, говоришь? Тогда другое дело. Ведро на месте, чего писать-то? Только ты повесь уж его, Евдоким.

– Сказал, сделаю.

– Чего в Гороше делается?

– Живет новой жизнью районный центр. Ресторан «Парус» переименовали в «Мюнхен». Есть такой город в Германии. При нем бордель организован и игровой зал.

Косарев вздохнул и заявил:

– Немцы для себя и не то сделают!

– Не только для себя. Ресторан могут посещать работники администрации, управы, полицейского управления. Так что можешь съездить, развлечься, если захочешь.

– Ага! И половину зарплаты там за вечер оставить.

Буганов рассмеялся и заявил:

– Ты на деньгу всегда жадный был. Конечно, проще самогону выпить, жене в морду дать да на сеновал с толстозадой Дунькой завалиться. При этом никаких трат.

– Дунька мне племянница. Приютил сироту, потому как бросить не мог.

– Ага, особенно когда увидел ее задницу. Ты мне-то не брешь. Я все же начальник полиции здесь, знаю, как ты опекаешь бедную сиротку, которая спит и видит себя на месте Галины, жены твоей.

– Слушай, Евдоким, я в твою личную жизнь не лезу, вот и ты в мою не лезь.

– Ладно, Василь, проехали. Мы же теперь как близнецы. Друг без друга никуда. И править на деревне вместе будем, и отвечать за дела свои.

– Это перед кем же?

– Да перед всеми. И перед немцами, и перед партизанами.

– Тьфу на тебя, Евдоким. Какие партизаны? В районной газете новой пишут, что скоро немцы уничтожат всех лесных бандитов. А перед ними ответим, если в чем провинимся. Перед немцами не страшно.

– Ну а как насчет Калача?

– А что Калач? Над ним бургомистр. А с ним у меня отношения хорошие, приятельские.

– Да Роденко боится Калача больше чем гестапо.

– Хватит! Тебе заняться нечем? Неси ведро и вешай на щит.

– Ты не волнуйся, все, что надо, сделаю.

Пришли Шмаров с Болотовым.

– Что тебе надо, Евдоким? – спросил бывший зэк.

– Узнаешь. Посиди пока в кабинете. А ты, Николай, иди за мной на улицу.

Полицаи вышли.

Там Буганов убедился в том, что никто их не слышит, и спросил:

– Что по Тимофееву и евреям?

– Нормально все. На месте. Во двор выходят только по нужде. Иваныч сказал, долго так евреи не просидят. Они наверняка задумали куда-то дальше свалить.

– Главное, чтобы до утра не свалили.

– А чего утром будет?

– О том я и хотел поговорить с тобой, но после Фомы. Идем.
Буганов со Шмаровым вернулись в контору.

Из коридора старший полицейский позвал бывшего зэка:

– Фома, поди сюда.

– Чего еще?

– Поди, надо.

Болотов вразвалку вышел в коридор.

– И что?

– Иди за мной!

Они прошли в торец коридора. Двери камер тюрьмы держались открытыми, когда в них не было сидельцев за мелкие нарушения.

Одну из них и открыл старший полицейский.

– Заходи, тут поговорим. Так безопасней будет.

Болотов зашел в камеру, услышал, как за ним захлопнулась дверь и заскрипел замок, повернулся и закричал:

– Ты чего, Евдоким? Охренел? Какого черта?

– Ты, Фома, извиняй, – ответил Буганов. – Я не по своей воле тебя закрыл. Таков приказ начальника районной полиции. А уж что за претензии у него к тебе, с ним и выяснишь. И не кричи, а то воду с хлоркой в камеру пушу. – Буганов повернулся к Шмарову, остолбеневшему от неожиданности. – А теперь пойдём поговорим. Ты все поймешь.

Полицаи направились на улицу.

Глава вторая

За полчаса до начала совещания к коменданту явился начальник районной полиции Мирон Калач. Секретарша пропустила его без вопросов. Калач зашел в кабинет и доложил о прибытии.

Комендант указал ему на стул.

– Садись, Мирон, у нас не так много времени на разговор. В восемнадцать тридцать здесь соберутся бургомистр, командиры рот охраны и СС.

Я не хочу обозначать задачу полиции в предстоящей операции «Листопад» при них, поставлю тебе ее сейчас. Ты внимательно выслушай и не перебивай. Все вопросы потом. Завтра с рассветом, в шесть пятнадцать, ты со своими полицейскими на грузовой машине выдвигаешься в деревню Лоза.

Калач кивнул, а штурмбанфюрер продолжил:

– Двинешься следом за взводом роты СС, который зайдет в село Ясино. Дальше с тобой поедет бронетранспортер командира роты. Возможно, он возьмет и мотоцикл с экипажем. Первое и главное, что тебе и ротному с твоими подчиненными следует сделать, ты знаешь. Это еврейский вопрос. И не смотри на меня так. Бонке в курсе нашего общего дела. Ну теперь второе. – Штурмбанфюрер поднялся, прошелся по кабинету и продолжил постановку задачи.

Калач услышал нечто такое, от чего даже у него, совершенно безжалостного палача, открылся рот.

– Да, Мирон, именно это, – заявил комендант. – Не спрашивай меня ни о чем. Ты доставишь евреев сюда, поселишь в доме на улице Береговой, под охраной верных людей. Надеюсь, ты уже обзавелся такими?

Калач быстро пришел в себя и ответил:

– Так точно, герр штурмбанфюрер! У меня в штате десять человек. Все они ненавидят Советы, их власть. У них к ней счеты. Они намерены устроить свою жизнь в новой России, освобожденной от большевиков. – Калач злое усмехнулся и продолжил: – К тому же все они повязаны кровью и если попадут в руки НКВД, то их ждет страшная смерть. Посему они будут убивать сами, чтобы не стать жертвой.

– Ты долго говорил, Мирон, но сказал хорошо. Значит, евреев поселишь в этом доме. С дантистом будешь работать лично и сам разберешься со всей семьей, когда они будут больше не нужны. Это понятно?

– Понятно, герр штурмбанфюрер.

– Тебе требуется время для подготовки акции в Лозе?

Обычно на подобные вопросы каратель отвечал «нет», но сейчас подумал и сказал:

– Пожалуй, да. Мне надо переговорить с подчиненными.

– Хорошо. Говори после совещания. Вопросы ко мне есть?

– Да, господин штурмбанфюрер.

– Спрашивай. – Комендант присел в кресло, взял в руки остро заточенный карандаш.

– У меня два вопроса, герр комендант.

– Пожалуйста, слушаю.

– Вы сказали, что с моей командой в деревню Лоза поедет командир роты СС.

– Да, и что?

– Извините, зачем?

– Во-первых, гауптштурмфюрер Бонке поедет на бронетранспортере, на котором установлен пулемет «МГ-34». Во-вторых, с ним будут четыре солдата роты с автоматами. Твои же полицейские вооружены винтовками. Согласись, поддержка пулемета и автоматов лишней при

решении поставленной задачи не будет. К тому же, что скрывать, гауптштурмфюрер проконтролирует работу твоей команды. Что еще?

– Недалеко от того дома на Береговой проживает мой осведомитель Рогоза. Можно его привлечь к охране.

– Спятил? Твои охранники станут лишними, а ты еще осведомителя хочешь посвятить в наши дела! Никакого Рогозы, понял?

– Так точно!

– Гут. Тогда перекури у комендатуры. В восемнадцать тридцать быть на совещании!

– Слушаюсь!

В половине седьмого 19 сентября 1941 года в кабинете Фишера собрались бургомистр района, глава управы Роденко, командиры рот гауптштурмфюрер Вилли Бонке и обер-лейтенант Ганс Херман и начальник районной полиции Мирон Калач. Помощник коменданта в звании шарфюрера вывесил на стенд карту района, прицепил на крюк указку, принес стулья.

Участники совещания разместились в кабинете, и штурмбанфюрер Фишер начал постановку задачи по операции «Листопад»:

– Командиру роты СС гауптштурмфюреру Бонке завтра с рассветом отправить один взвод в село Ясино, два других – в деревни Карчежа и Павлинка. Порядок движения гауптштурмфюрер определит сам. – После этого штурмбанфюрер довел до Бонке задачи взводов.

Тот выслушал его и спросил:

– А где мое место, герр штурмбанфюрер?

– Я скажу об этом позже. Как и о действиях в деревне Лоза.

Определив задачу роте СС, Фишер повернулся к командиру охранной роты и проговорил:

– Вам, обер-лейтенант, завтра с утра усилить посты на всех важных объектах и выделить патруль не менее взвода на железнодорожную станцию. Последующую задачу получите после завершения операции в районе. У вас вопросы есть?

– Нет, господин штурмбанфюрер.

Фишер взглянул на бургомистра.

– Вам, господин Роденко, обеспечить обычный режим работы управы, но быть в готовности привлечь сотрудников для охраны здания.

– Но ее охраняет подразделение господина Хермана.

– Вы плохо поняли меня?

– Я понял вас.

– Сейчас всем готовиться. Командиру роты СС и начальнику полиции остаться, остальные свободны.

Бургомистр и командир охранной роты вышли из кабинета.

– И зачем меня вызывали? – проговорил Роденко. – Обеспечивать работу управы – моя прямая обязанность. Как думаете, герр обер-лейтенант?

Херман прикурил сигарету и спросил:

– Это вы у меня желаете узнать? Мне своих дел хватает.

Он сразу же за выходом из штаба повернул к казарме своей роты.

Роденко пошел в управу, так и не поняв, для чего, собственно, его вызывали на совещание. Он настолько задумался, что пришел в себя только у дверей управы, возле которых стоял солдат из роты охраны.

– Черт, все уже разошлись.

Он кивнул солдату и направился к себе, благо жил в доме напротив. До войны его занимала семья директора школы, еврея. Она была расстреляна в первый же день оккупации.

Фишер вызвал в кабинет секретаршу.

– Хелен, принеси то, что я заказывал.

– Да, герр комендант.

Елена Скорик внесла на подносе бутылку коньяка, три стопки, тарелку с порезанным лимоном в сахаре, выставила все на стол и удалилась.

Комендант поднял бутылку.

– Хороший коньяк, французский. У нас сегодня есть серьезный повод выпить, господа. В ночь на девятнадцатое сентября потрепанные советские войска без боя оставили Киев. Советская Украина теперь наша. Еще немного, и наша армия пройдет парадом победы по Красной площади. Интересно, что прикажет сделать с мавзолеем Ленина фюрер?

– Он велит снести его к чертовой матери и сбить звезды с башен, – сказал Калач.

Бонке усмехнулся и проговорил:

– Делить шкуру неубитого медведя – плохая привычка. – Он повернулся к начальнику полиции и осведомился: – Я правильно сказал?

– Насчет поговорки? Да. Но медведь уже смертельно ранен. По его кровавым следам идут охотники. Он еще представляет большую опасность, но в любом случае обречен.

– Выпьем, господа. – Фишер разлил по пятьдесят граммов коньяка.

Калач покачал головой.

Это не осталось без внимания командира роты СС.

– Что, господин Калач, не привыкли еще пить как цивилизованные люди? Вам подавай стакан, а то и кружку спирта или крепкого самогона?

Начальник полиции не остался в долгу.

– Я, герр гауптштурмфюрер, могу и кружечку сивухи выпить, и наперсток коньяка, и рюмочку шнапса. Попробуйте это сделать. Сумеете одолеть стакан самогона? Получится у вас?

– Фу, Мирон, не говорите об этой гадости.

«Не знаю, что является гадостью по сравнению с нашим самогоном – старый французский коньяк, отдающий клопами, или дерьмовый шнапс, от которого ни в голове, ни в душе», – подумал Калач, но, естественно, промолчал.

Все выпили, поговорили о силе германского оружия и личных перспективах.

Потом штурмбанфюрера понесло.

– Вот, господа, очистим район от партизан и пойдем на повышение, – заявил он и похлопал Калача по плечу. – Тебя, Мирон, я возьму с собой. Ты уже заслужил честь стать офицером элитных войск СС. Я добьюсь твоего назначения в зондеркоманду оберштурмбанфюрера Винтера. Зачем тебе должность бургомистра этого района? Здесь можно навсегда остаться, а в СС большие возможности.

Калач не спорил. В зондеркоманду, так в зондеркоманду, но на время, а потом в район. Кто такой офицер СС? Отправят служить в войска и будешь бегать, как молодой. Быть унтерштурмфюрером – это звание соответствует армейскому лейтенанту – в сорок семь лет не только не солидно, но и позорно. Другое дело – бургомистр, а лучше заодно и начальник полиции. Это Роденко не понимает, кем стал, а Калач знает, чего хочет. После третьей рюмки комендант вдруг сказал:

– Я не обозначил на совещании истинную цель операции «Листопад». Это, господа, не просто карательные мероприятия, проводимые в населенных пунктах. Сейчас я уже могу сказать вам, что речь идет о провокации, в результате которой партизаны должны выйти из леса и атаковать районный центр. Наша главная цель – выманить и уничтожить бандитов. Посему сразу же по окончании операции в населенных пунктах общее командование всеми имеющимися у нас силами я возлагаю на вас, Вилли. – Комендант взглянул на командира роты СС. – Именно вам предстоит организовать оборону поселка Горош с последующим уничтожением партизанского отряда, который, по данным разведки штаба армии, сейчас размещается в Оси-

повском лесу. Это в десяти километрах на юг от деревни Карчеха. Он насчитывает до ста человек, но только треть из них вооружена винтовками и карабинами. Некоторые партизаны имеют охотничьи ружья. У них есть один пулемет Дегтярева и пистолеты «ТТ», вывезенные из отдела милиции. Отрядом этим руководит бывший второй секретарь райкома Осетров.

Слегка захмелевший гауптштурмфюрер Бонке проговорил, перебив коменданта:

– Да плевать, кто руководит этим отрядом бандитов. Я не понимаю, для чего проводить какие-то мероприятия в населенных пунктах и выманивать из леса бандитов, если имеются разведданные по ним. Мы могли бы навести на них авиацию или зачистить лес своими силами. Это проще, чем устраивать целое представление.

– Вы же военный человек, гауптштурмфюрер. Почему перебиваете старшего по званию?

– Извините, господин Фишер, но я действительно не понимаю, для чего это представление. С евреями ясно, но я бы мог взять их тихо.

– Сколько вам лет, Вилли? – вдруг спросил комендант.

– Двадцать восемь, а что?

– А сколько командиру зондеркоманды оберштурмбанфюреру Винтеру?

– Где-то около тридцати.

– Ему тоже двадцать восемь. Но вы на должности капитана, если брать по армейским званиям, а Кевин Винтер – на полковничьей. Я уверен, что скоро он станет штандартенфюрером, а вы повышения не получите. Знаете почему?

– Почему?

– Потому что оберштурмбанфюрер СС Винтер знает ответ на вопрос о том, для чего нужны мероприятия в населенных пунктах и выманивание партизан, а вы нет. Но ничего, у вас все впереди. Да, и еще. Контролируя действия команды Мирона Калача, вы должны обеспечить съемку мероприятий на кинокамеру и фотоаппарат. Оператор в подразделении?

– А где ж ему быть?

– Вот его надо подготовить особенно тщательно, чтобы заснял все важные моменты. Они потом уйдут в газеты, в том числе и в германские.

– Вот как? – удивился Бонке. – Похоже, я действительно не могу понять всего масштаба планируемых акций. Оператор будет готов.

– Он сделал фотографии общения ваших солдат с мирным населением района?

– Да. Вышло очень забавно. Солдат СС гладит по головке мальчика в немецкой армейской пилотке. Взводный Курц сидит посреди семьи, довольной новой властью, принесшей свободу. С десятков снимков наших парней с русскими девушками, в основном, конечно, из борделя «Мюнхена», но выглядят они весьма мило.

– Эти фото завтра должны быть у меня. Вместе со снимками из деревни Лоза.

– Никак вы подставить меня хотите, господа хорошие, с этими фотографиями, – пробурчал Калач.

– Ну что ты, Мирон, – воскликнул Фишер. – После твоих подвигов с евреями, советскими активистами и членами их семей подставить тебя просто невозможно. Сейчас ты известен только здесь, в этом районе. Публикация снимков прославит тебя в Германии. Это благотворно повлияет на твоё продвижение по карьерной лестнице.

– Вы правы, хуже мне уже не будет. Пусть ваш оператор подскажет, когда снимать начнет. Я ему устрою сцены!..

– Правильно, Мирон, – сказал Фишер. – Но, господа, пора на отдых. Завтра у нас непростой день. Хайль Гитлер! – Он выбросил вперед руку.

– Хайль! – ответили эсэсовец и полицей.

В шесть утра рота СС и карательная команда полиции выехали из райцентра. Первый взвод с двумя экипажами мотоциклов разведотделения оберштурмфюрера Гофрида Курца

двинулся к селу Ясино, до которого было пять километров. Гауптштурмфюрер Бонке на бронетранспортере и полицаи Калача в грузовике следовали за ним. В направлении деревень Карчеха и Павлинка пошли взводы унтерштурмфюреров Людвиг Ромберга и Мартина Эбеля, рядом с которым находился заместитель командира роты. Им надо было пройти около тридцати километров восточной дорогой, тянувшейся рядом с лесным массивом. В каждом взводе было по два бронетранспортера и мотоцикла с экипажами.

Погода выдалась хорошая, теплая, безветренная. Дороги были сухие, поэтому каратели продвигались быстро.

В то же время вся охранная рота несла службу у административных и прочих важных объектов поселка. Один взвод ушел к железнодорожному вокзалу.

Первым на место, естественно, прибыл взвод оберштурмфюрера Курца. Эсэсовцы высадились из бронетранспортеров «Ханомаг-251» и зашли в Ясино. Боевые машины встали с юга и севера, контролировали околицы. В центр к разрушенной церкви проехали мотоциклы.

Староста Тарас Гуско подошел к Курцу.

– Хайль Гитлер, господин оберштурмфюрер!

– Хайль, староста! – ответил тот по-русски.

Язык будущего противника он изучал еще до начала войны.

– Приказываю обойти все дома и передать людям распоряжение выйти сюда, к церкви. Всем, господин Гуско! Я не ошибся в фамилии?

– Никак нет, господин оберштурмфюрер. – Староста повернулся к полицаям. – Ну и чего стоим? Слышали приказ офицера? Бегом оповещать народ. И чтобы пришли все.

– Даже матери с младенцами?

– Все, господин полицай, – ответил оберштурмфюрер. – В домах могут остаться только те люди, которые не в состоянии ходить. Быстро!

Полицай побежали по селу. Им не понадобилось обходить каждый дом, которых в Ясине было около сотни. Люди слышали рев двигателей бронетранспортеров, треск мотоциклов и немецкую речь, вышли во дворы, из-за плетней и заборов смотрели на улицу. Кто-то от греха подальше прятал девушек и детей в погреба. Но таких предусмотрительных селян было мало.

Народ повалил к церкви, встал толпой.

Курц подозвал к себе старосту и спросил:

– Это все жители села, господин Гуско?

– Да вроде все. В толпе как определишь? И не построишь. Мужиков мало, которые понимают, что это такое. В основном тут бабы.

– А мужики в партизанах?

– Нет, господин оберштурмфюрер. В армии, это да, но их призвали. Многие не хотели идти в военкомат, их сотрудники НКВД вылавливали. Кто-то уже погиб, кто-то ранен. Похоронки в село приходили.

– Меня это не интересует, – сказал Курц. – Отдели от толпы тридцать человек и прикажи им встать у церкви, прямо под проемами окон.

– Для чего, герр оберштурмфюрер.

– Для проведения воспитательной работы.

– Но вы ведь?..

Командир взвода СС оборвал старосту:

– Делайте то, что вам приказано, господин Гуско!

– Но кого выбирать?

– Это не имеет значения.

Староста с полицаями пошли к толпе, которую окружило отделение эсэсовцев.

К взводному подкатили мотоциклы. Командиры экипажей, сидевшие в колясках за пулеметами, посмотрели на него.

– Действовать по команде, только по людям у церкви! Остальных не трогать! – распорядился он.

– Яволь, герр оберштурмфюрер!

Гуско с полициями бесполезно пытались вывести людей к церкви. Никто не хотел идти туда.

Видя это, Курц усмехнулся и подал знак командиру отделения, которое стояло вокруг толпы. Эсэсовцы отошли от людей.

– Внимание, по толпе, огонь! – приказал оберштурмфюрер.

Эсэсовцы вскинули автоматы и начали поливать толпу свинцом. Ударили пулеметы мотоциклов. Огонь открыли и каратели второго отделения.

Люди в панике ринулись по сторонам, но это их не спасло. Несколько человек бросились к лесу. Их расстрелял пулемет, установленный на бронетранспортере. Через минуту наступила тишина. На площади, где недавно стояла толпа, лежали тела женщин, мужчин, подростков стариков и детей.

– Считать трупы. Раненых добить! – приказал Курц командиру первого отделения.

– Да, господин оберштурмфюрер!

Курц отошел к церкви. Он слышал, как захлопали пистолеты и прогремели две короткие автоматные очереди. Его солдаты добивали раненых. Офицер достал портсигар со свастикой, подарок командира батальона.

Рядом с ним оказался полицейский, молодой парень с бледным, как у мертвеца, лицом.

– Как зовут?

– Прохор. – Полицай икнул. – Игнатьев. – Он указал на тела. – Там и староста, и старший полицейский Иван Иванович.

– Они не выполнили приказ и за это поплатились. Идет война, Игнатьев. Кстати, а как ты выбрался?

– Да рванул к церкви, ваши не заметили.

– Тебе повезло.

– Ага, повезло. Да после этого меня сельчане на куски разорвут и партизан ждать не станут. Возьмите меня с собой, а?

– А кто здесь службу нести будет?

– Да какая теперь тут служба, господин оберштурмфюрер? Для наведения порядка потребуется не менее двух десятков полицейских с автоматами и не местных, чтоб на селе семей их не было. Придется усиленные патрули выставять. Одному тут хана. Возьмите, герр оберштурмфюрер. Очень прошу. Ведь я служил вам.

– Ты служил не мне, а великой Германии, Третьему рейху. Давал клятву до конца жизни своей бороться с ее врагами, так?

– Так точно!

– Ну тогда исполни долг до конца. У тебя семья есть?

– Тут нет, вывез, как и старший полицейский, в дальний район к родственникам.

– Значит, твоей семье ничего не грозит?

Полицейский пожал плечами.

– Вроде нет.

– Помолчи.

К взводному подошел командир отделения.

– Разрешите доложить, герр оберштурмфюрер?

– Докладывай.

– На площади тела двенадцати мужчин, двадцати одной женщины, шести детей и подростков. Среди мужчин староста и один полицейский. Всего тридцать девять трупов.

Командир взвода повернулся к младшему полицейскому, выхватил пистолет и выстрелил. Тот и понять толком ничего не успел, рухнул под ноги офицера СС.

– Сорок, шарфюрер. Для ровного счета. Все равно этому полицейскому долго не прожить даже в райцентре. Хорошая работа. Сворачиваемся, уходим в Горош.

Эсэсовцы бросились к бронетранспортерам, и вскоре колонна ушла из расстрелянного села. А к убитым родственникам с воем бросились жители села, оставшиеся в живых.

Командир роты СС услышал выстрелы на полпути к Лозе.

«Как бы не разбежались люди в деревне. Хотя не должны. Восемь километров впереди. Выстрелы там вряд ли слышны», – подумал он и оказался прав.

Народ из Лозы не разбежался. Староста Косарев с полицаями успокоили его.

В 9.10 на площадке у сельмага и бывшего сельсовета встали бронетранспортер и грузовой тентованный «Опель». Из грузовика выскочили полицейские, из бронетранспортера – четверо эсэсовцев с автоматами.

Командир роты тоже спустился на землю и кивнул Калачу.

Тот позвал своего заместителя Лыкина и распорядился:

– Степа, давай ребят по домам! Пусть сгоняют всех сюда.

К ним подошли староста, полицаи Буганов и Шмаров.

Калач взглянул на Буганова и спросил:

– Евреи на месте?

– Так точно, Мирон Фадеевич. Сам ночью от соседа смотрел за подворьем.

– Молодец, это тебе зачтется. – Он повернулся к гауптштурмфюреру, подошедшему к ним, и доложил: – Клиенты на месте, можем брать.

Тот указал на полицейских и спросил:

– Это они работают с тобой?

– Так точно.

– Возьмите еще пару человек, блокируйте дом, где скрываются евреи. Я отдам команду старосте, подойду, только дом обозначьте.

– Да чего обозначать-то? Тут одна улица, отсюда влево, предпоследнее подворье справа.

– Выполняйте!

Полицаи направились к дому бывшего управляющего отделением колхоза «Заветы Ильича». Староста преданно смотрел в глаза офицеру СС.

– У вас в деревне есть большой сарай? – спросил Бонке.

– Недавно построили вместо старого овина.

– Туда все жители поместятся?

В глазах старосты вспыхнул испуг.

– А что вы хотите делать?

– Косарев? Так?

– Так точно!

– С каких это пор, Косарев, ты решил, что можешь задавать вопросы офицеру СС?

– Извините, но...

– Итак, я спросил, в новый сарай все жители деревни поместятся?

– Да, тесновато будет, но поместятся.

– Крепкие стены у сарая?

– Так точно, березовые.

– Крыша?

– Соломенная.

– Ворота?

– Дубовые.

– Где этот сарай?

– А вот на околице, где ферма.

– Гут. Помогай собирать людей, и чтобы все были здесь. А то, о чем ты подумал, выбрось из головы. В наказание за сокрытие евреев люди посидят сутки без воды и еды. Потом выпустишь их. Ключи же у тебя?

– Так точно! – Староста облегченно выдохнул.

Он поверил гауптштурмфюреру СС.

Бонке прошел к дому Тимофеева. Двор оказался довольно большим, ухоженным. Не сказать, что здесь проживает одинокий пожилой человек.

Через сени гауптштурмфюрер зашел в большую комнату, половину которой занимала русская печь. Хозяин дома лежал на полу, лицо в крови.

Евреи сбились в угол, сидели на корточках, обняв друг друга. В их глазах застыл животный ужас.

Гауптштурмфюрер указал на Тимофеева и спросил:

– Что с ним?

Калач потер кулак.

– За кочергу схватился, когда зашли. Пришлось бить.

– Подними его.

Калач без особых усилий поставил на ноги бывшего управляющего отделением колхоза.

– Кузьма Тимофеев? – спросил Бонке.

– Он самый. Чего явились? Хотя и так ясно. За ними. – Тимофеев кивнул на евреев.

– Изволь, Кузьма, отвечать на мои вопросы. Где твои сыновья?

Тимофеев попытался усмехнуться, но боль скривила его лицо.

– Где, спрашиваешь? Один в Красной армии служит, политрук стрелковой роты, бьет фашистскую нечисть у города Ленина, другой в партизанах. Тоже воюет с вами.

– Ты этим гордишься?

– Да, я горжусь своими сыновьями, правильно их воспитал. – Он кивнул на Калача и полицейав. – Не так, как этих уродов. Их матерям аборт надо было делать, а не рожать извергов.

Калач дернулся, хотел было ударить пожилого мужчину, но гауптштурмфюрер остановил его:

– Не трогать, Калач!

– Калач? – спросил Тимофеев. – Так вот ты какой, кровопийца. Жаль, не могу удавить тебя собственными руками.

Начальник полиции вновь дернулся и опять был остановлен офицером СС.

– Я сказал не трогать. Стоять, где стоишь, Калач!

– Слушаюсь, герр гауптштурмфюрер!

Командир роты повернулся к полицейам и приказал:

– Уведите его на площадку в центр деревни. Дождетесь коллег из райцентра – передадите.

– Да, герр гауптштурмфюрер.

Тимофеева увели.

Бонке подошел к семье евреев.

– Годман Иосиф Абрамович?

– Да, господин офицер.

Бонке перевел взгляд на женщину:

– А это, если не ошибаюсь, ваша супруга?

– Да, Сара Абрамовна.

Гауптштурмфюрер скривился. Он терпеть не мог евреев. Впрочем, в СС служили именно такие персонажи, переполненные ненавистью ко всему неарийскому, особенно к евреям и цыганам.

– Рядом дети, так?
– Так, господин офицер, сын Ильи, дочери Соня и Лея.
Калач указал на девушку постарше.
– И сколько лет твоей Соне?
– Десять, сыну четырнадцать, Лее шесть.
– А смотрится так, как будто ей все шестнадцать, оформилась уже. Симпатичная. – Калач вытер слюни.

– У меня к вам один вопрос, Годман, – заявил Бонке.
– Да, господин офицер. Я скажу все, лишь бы вы не тронули нас, несчастных евреев.
– Зачем мне вас убивать? Вас отвезут в райцентр, предоставят жилье.
Калач рассмеялся и заявил:
– Даже с прислугой.
Бонке повернулся к начальнику полиции.
– Мне удалить вас отсюда, Калач?
– Молчу, герр гауптштурмфюрер.
– Итак, у меня к вам, Годман, всего один вопрос, верный ответ на который спасет жизнь вам и вашей семье.
– Я готов.
– Где ценности, что вы вывезли из Гороша?
– У меня ничего нет.
– Значит, и жизнь вашей семьи ничего не стоит.
– Подождите, мне надо принести.
Бонке взглянул на Калача.
– Сопроводи!
– Сара, дети, не бойтесь, нас не убьют, – сказал Годман и ушел вместе с начальником районной полиции.

Вернулся он с саквояжем, поставил его на стол.
– Вот, господин офицер, все, что у меня есть.
– Откройте замок!
– Ах да, извините.
Годман снял с шеи шнурок, на котором висел ключ, открыл замок.
Гауптштурмфюрер распахнул саквояж. В нем были бумажные пакеты. Он достал один, развернул. На стол посыпались золотые коронки, сережки, мелкие броши. Во втором было то же самое.

Калач шмыгнул носом и заявил:
– Ничего себе! Да тут целое состояние.
– Это для работы. Какое состояние? – проговорил Годман.
Бонке развернул все пакеты. Везде одно и то же: кольца, перстни, сережки, колые, браслеты от часов, цепочки.
– Гут, господин Годман. – Он вернул ценности в саквояж, закрыл его, взглянул на дантиста. – Это все?
– Да, господин офицер.
– В городе ничего не оставили?
– Зачем оставлять? Мы насовсем уезжали.
– А что в баулах?
– Там только обычные вещи, посуда.
– Собрать все, что вывозили!
– Позвольте это сделать жене, она распаковывала сумки.

Бонке кивнул Калачу, тот приказал младшему полицейскому:

– Шмаров, проследи!

– Слушаюсь!

Вскоре посреди комнаты стояли три баула.

– Нехилые у них вещички и посуда, господин гауптштурмфюрер, – сказал Шмаров. Один столовый набор из серебра да подсвечник чего стоят. А еще две шубы, пальто новое, костюмы, сшитые в ателье. Такие в магазине не купишь.

– Хорошо. – Бонке посмотрел на дантиста. – Вы отдали ценности, я держу слово. – Он взглянул на Шмарова и приказал: – Беги к шарфюреру, который находится в бронетранспортере, скажи ему, чтобы механик-водитель подогнал его к заднему забору.

– Слушаюсь! – Шмаров убежал.

Бонке посмотрел на семью и проговорил:

– Поднимайтесь и огородом идите к задней калитке. Вас проводит господин Калач. Тебе, Мирон, никого не трогать, посадить всех в десантное отделение и охранять до подхода солдат. Потом придешь на площадь.

– Понял, господин гауптштурмфюрер.

Калач и Бугаев увели семью евреев.

Бонке прошел в центр села.

Там уже толпился народ. Полицаи в деревне действовали оперативно.

Заместитель начальника районной полиции доложил:

– Собрали всех!

– Сколько и кого?

– Минуточку, герр офицер. – Полицай достал клочок бумаги, глянул на него. – Так, мужиков одиннадцать, баб девятнадцать, трое мальчишек, пять девчонок, четверо дедов, пять бабок, четверо младенцев с матерями.

Из проулка, где задержались полицаи, вдруг послышалось:

– Удрали трое, в лес бегут!

Гауптштурмфюрер приказал солдатам:

– Выйти на околицу, уничтожить!

Эсэсовцы вышли в проулок. Забили автоматы.

Солдаты вернулись, и шарфюрер доложил:

– Ваш приказ выполнен, господин гауптштурмфюрер. Беглецы не успели скрыться в лесу.

– Хорошо. Кто бежал?

– Две бабы да пацан.

– Ладно. – Командир роты СС повернулся к толпе, окруженной полицаями. – Кузьма Тимофеев!

– Здесь, – ответил бывший управляющий отделением.

– Выйди вперед, повернись к народу.

Тимофеев подчинился.

Бонке указал на него и обратился к жителям:

– Этот ваш односельчанин скрывал у себя семью евреев. Вы прекрасно знаете, что это тяжкое преступление. За это полагается смертная казнь, причем всем вам. Но, учитывая, что нам вовремя удалось пресечь преступление, крайних мер я применять не буду. Сейчас вы пройдете в сарай, что на отшибе. Зайдете в него без суеты и давки, разместитесь там. Посидите сутки без воды и хлеба. Завтра в это же время староста выпустит вас. Надеюсь, это послужит вам уроком. И запомните все, в следующий раз за укрывательство евреев, цыган, красноармейцев, партизан мы сотрем с лица земли вашу деревню. Староста!

– Я, господин гауптштурмфюрер.

– Ведите людей в сарай.

Толпа заволновалась. Веры эсэсовцу не было, но и другого выхода тоже. Дернешься – полицаи и солдаты тут же перестреляют всех. Поэтому люди медленно, с плачем, но пошли к сараю. Полиция сопровождала процессию.

Последним шел Бонке.

Людей завели в сарай. Староста закрыл двери, сунул ключ в карман.

Гауптштурмфюрер подозвал к себе оператора.

– Сейчас начнется самое главное. Снимай так, чтобы в кадры и фото не попали наши солдаты. Только полицейские.

Прогрохотал бронетранспортер, встал в проулке.

Подошел Калач, доложил:

– Евреи на месте, под охраной.

– Гут, приступайте к работе, господин начальник полиции.

– Слушаюсь. Становись!

Полицаи выстроились в шеренгу.

Калач отдал команду. Его подчиненные бросились к грузовику достали из кузова канистры с бензином.

Калач подумал и отдал еще один приказ:

– Поставьте канистры. В овине должны быть снопы соломы. Тащите их сюда, обложите сарай, чтобы быстрее разгорелось.

Когда все было готово, каратели встали вокруг сарая, облили солому и стены бензином. Начальник районной полиции достал спички.

Бонке крикнул:

– Калач, поджигать перед камерой!

– Хорошо.

Он дождался оператора, чиркнул спичкой, бросил ее на солому.

Снопы тут же взялись огнем, от них загорелись стены и соломенная крыша. Повалил дым. Люди в сарае поняли, что их сжигают заживо, закричали, забились в ворота. Полицаи и гауптштурмфюрер смеялись, а сарай разгорался. Вскоре рухнула крыша, обрушились стены, крики смолкли.

Из дыма вдруг вышел Кузьмич, объятый пламенем. Он выставил перед собой руки и шагнул к Бонке.

Тот крикнул начальнику полиции:

– Мне нельзя быть в кадре. Пристрели его.

Калач выстрелил. Тимофеев упал на землю. Оператор поднес вплотную камеру, потом несколько раз щелкнул затвором фотоаппарата, снял Калача с пистолетом в руке.

Огонь начал ослабевать. У дыма появился приторный запах. Горели человеческие тела.

– Все! Пройтись еще раз по деревне, поджечь хаты, постройки, плетни, все, что может гореть! – выкрикнул Бонке и приказал оператору: – Снимай!

– Да, господин гауптштурмфюрер.

Заполыхала вся деревня. Полицаи погнали коров, свиней, кур, гусей к машине.

– Отставить! Живность забить и разбросать по деревне! – распорядился Бонке.

Оператор закончил съемку, подошел к офицеру СС.

– Я все сделал.

– Неплохо получилось?

– Господин гауптштурмфюрер, мне еще никогда не приходилось снимать такое.

– Смотри, чтобы работа была качественной!

– Конечно, герр гауптштурмфюрер.

– Калач! – крикнул командир роты.

Тот подбежал.

- Я, господин гауптштурмфюрер.
- Как думаешь, Мирон, партизанам эта картина понравится?
- Их охватит такая ярость, что они без оружия ломанутся на пулеметы.
- Вот и отлично. Кончай старосту и полицейских деревни.

Калач удивленно посмотрел на эсэсовца.

- Но, господин Бонке, я бы взял их к себе в команду.
- Да? А то, что они знают о ценностях евреев, тебя не пугает?
- Вот в чем дело. Тогда да, конечно.

Он отошел от эсэсовца, и тут же прозвучали три выстрела.

Калач вернулся.

- Дело сделано.
- Погоди, тут был какой-то зэк.
- Так точно, Фома Болотов.
- Он сгорел в сарае?
- Нет, я приказал его арестовать. Значит, он должен был быть в конторе.
- А та, я смотрю, не вся сгорела.
- Я быстро.

Калач подбежал к конторе, когда из пожарища вылез чудом уцелевший Болотов.

Он едва ковылял, держался за обожженную руку, увидел начальника районной полиции и прохрипел:

- Мирон Фадеевич, помоги, век должен буду.
- Ты меня знаешь?
- Кто же вас не знает. Я готов служить у вас.
- Это плохо, Фома, что ты меня знаешь. Но ничего, такое недоразумение вполне исправимо.

Калач дважды выстрелил Болотову в голову. Тот рухнул в огонь.

- Вот так, служи теперь на небесах.

Мирон развернулся и побежал к эсэсовцу.

Через двадцать минут бронетранспортер с семьей евреев под охраной двух солдат роты Бонке и грузовик пошли обратной дорогой, в объезд Ясино, в сторону районного центра. А сзади продолжали гореть хаты деревни Лоза, которая теперь значилась только на картах.

Взводы унтерштурмфюреров СС Ромберга и Эбеля под общим руководством заместителя Бонке оберштурмфюрера Венцеля устроили побоище в деревнях Карчеха и Павлинка.

Сам Бонке и команда полицаяв Калача вернулись в райцентр в 12.20.

Начальник полиции разрешил своим подчиненным отдых, взял двух человек, пересел в бронетранспортер командира роты. Калач и полицай устроились вместе с еврейской семьей.

Механик довел бронетранспортер до перекрестка Восточной и Береговой улиц, остановил его.

Бонке приказал всем спешиться.

Дальше евреев вели пешком. Баулы по приказу гауптштурмфюрера остались в бронетранспортере. Саквояж он нес сам. Вскоре все оказались в той самой хате, где старший полицай деревни Лоза докладывал обстановку Калачу.

– Вот здесь вы пока побудете, – сказал гауптштурмфюрер. – Как, Годман, устраивает жилище?

- Вполне, господин офицер. Но почему вы поселили нас здесь?
- Об этом поговорим вечером. Тогда же вам доставят продукты, чтобы вы не сдохли с голода.
- Почему так грубо, господин офицер?

Гауптштурмфюрер взорвался:

– Паршивый еврей, ты еще претензии выставлять будешь? – Но он быстро взял себя в руки. – Как я сказал, так и будет. Блюда из ресторана вам никто приносить не станет. Хотя если заплатите, то можно организовать и питание из «Мюнхена».

– У нас не осталось денег. Только мелочь.

– А ну давай сюда свою мелочь! – прорычал Калач, спохватился, взглянул на командира роты.

Тот усмехнулся.

– Оставь их, Мирон. Если у них и остались деньги, то советские. Тебе они нужны?

– Я бы взял.

– Нет! Позови охранников и представь их мне.

Калач вызвал двух полицейских, которые курили у крыльца.

Те зашли, поправили ремни винтовок.

Начальник полиции указал на первого.

– Это Виктор Ворона.

– Кто? – Гауптштурмфюрер рассмеялся. – Ворона? Отчего такая фамилия?

– Предки наградили, – ответил полицейский.

Калач указал на второго.

– А это Вячеслав Волков.

– Это уже лучше. Слушайте меня внимательно, господа полицейские. Здесь, в этом доме, в двух комнатах какое-то время будет проживать еврейская семья. Ваша задача – охранять ее днем и ночью. Время разделите на свое усмотрение. Евреи не должны выходить отсюда без особой необходимости. Днем разрешаю выводить их по очереди в сортир, ночью пусть ставят себе ведро. Ночью охранять внутри, днем – на улице. Никого не подпускать. Продукты привезут только вечером, так что и вам придется потерпеть. Глядя на ваши морды, должен сказать, что это вам пойдет только на пользу. Продукты передайте женщине. Она будет готовить еду. Но смотрите, принимайте пищу только после того, как ее попробуют дети. А то отравят вас еще. Предупреждаю, если вы не обеспечите сохранность евреев, то я гарантирую вам расстрел. Причем прямо здесь. Вопросы ко мне есть?

Полиции отрицательно замотали головами.

– Никак нет, господин гауптштурмфюрер. Только быть на посту всего вдвоем нам будет тяжело, – сказал Волков.

Бонке повернулся к начальнику полиции.

– Ответь ему, Калач.

Тот сунул под нос подчиненного массивный кулак.

– Ответ ясен?

Полицейский отшатнулся.

– Так точно, господин начальник полиции!

– Охранять! Днем Ворона, ночью Волков. Смены не ждите, ее не будет. Понятно?

– Понятно, господин начальник полиции.

Калач взглянул на командира роты. Мол, как я их?

Бонке кивнул.

– Ты умеешь проводить инструктаж доходчиво и просто, без особых церемоний. Уходим.

Гауптштурмфюрер и начальник полиции вышли на улицу.

Начальник полиции кивнул на саквояж и заявил:

– Надеюсь, вы по справедливости поделитесь со мной, господин гауптштурмфюрер?

– Конечно, Калач. Ты слишком опасен, чтобы тебя обманывать.

– Это верно, герр гауптштурмфюрер. Вопрос разрешите?

– Да.

- Что будем делать с евреями?
- Проверим, не осталось ли золото в Гороше. Евреи – хитрый народ. Надо выяснить, с кем хоть как-то общался Годман.
- Узнаю, но вряд ли мы найдем кого-то. Как я уже говорил, семья дантиста вела замкнутый образ жизни.
- Но дети ходили в школу?
- Сын и старшая дочь должны были по возрасту.
- Значит, у них остались друзья, подруги, у тех есть родители. В общем, надо все тщательно проверить.
- А если проверка ничего не даст?
- Тогда допросим все семейство с пристрастием. Ты же у нас мастер на такие дела. Калач усмехнулся.
- Да, я умею развязывать языки. Но думаю, что пытать Годмана не придется. Бонке удивленно посмотрел на начальника полиции.
- Что ты хочешь этим сказать?
- Достаточно отдать мне десятилетнюю Соню. Когда еврей увидит, что я буду с ней делать, он расскажет обо всем, даже о том, как появился на этот свет.
- Гут. Забирай эту грязную девчонку.
- А вы не желаете заняться шестилетней Леей? С виду она вполне пригодна для этого. Гауптштурмфюрер сморщился.
- Смеешься, Калач? Чтобы я, офицер СС, да с еврейкой? Никогда. Для них у меня есть пуля или веревка.
- Я не такой брезгливый.
- Вот и займешься ими. Передай на кухню, чтобы выделили продукты для семьи. Обычный паек. Вечером вернемся сюда.
- Уже сегодня?
- Потом не до них будет. Да и решать дела надо сразу. Как у вас говорят, не откладывай на завтра то, что можно сделать сегодня.
- Так точно!
- Вот и не будем откладывать.

В поселок въехали бронетранспортеры взводов Людвиг Ромберга и Мартина Эбея. Вскоре на доклад явился оберштурмфюрер Венцель. Потом Бонке, Венцель и Калач направились в комендатуру для доклада об успешном проведении операции «Листопад». Рота же заняла позиции обороны поселка по штатному расписанию. Отдыхать карателям предстояло там.

Глава третья

В тот же вечер, ближе к ужину, в партизанский отряд, находящийся в Осиповском лесу, на лошадях и пешком повалили мужики и бабы, оставшиеся в живых. Никого не было только из Лозы. Сторожевые дозоры останавливали беглецов, расспрашивали их и пропускали. Скоро вся поляна перед штабной палаткой была забита людьми.

К ним вышли командир отряда, бывший второй секретарь райкома Павел Дмитриевич Осетров и политрук, в недавнем прошлом член бюро районного комитета комсомола и заместитель директора автобазы Иван Михайлович Карасько, которого из-за молодости партизаны больше называли просто Иваном. Подошли командиры взводов, рядовые бойцы, не занятые повседневной службой.

Рассказы местных жителей повергли их в шок.

Растерявшийся политрук проговорил:

– Что, вот так ни за что ни про что нагрянули эсэсовцы и положили людей?

– Да вот так, ни за что ни про что, – со слезами ответила ему женщина, медсестра из Павлинки. – Сначала немцы говорили что-то про партизан и евреев, а потом... – Она не смогла продолжить, разрыдалась.

Осетров обвел взглядом толпу.

– Что-то я не вижу среди вас жителей деревни Лоза.

Вперед вышел пожилой мужчина:

– А это потому, секретарь, что нет больше жителей Лозы.

– Как это?

– Пожгли всех ироды заживо.

– Пожгли? – Командир отряда никак не мог понять, что это значит.

– Да. Я из Ясино, у меня в Лозе родственник с семьей жил. Когда двинулись сюда, зашел в деревню, хотел проведать, что с ними, а там сожженный сарай, тот, что недавно поставили, а на пожарище человеческие останки. Много, вся деревня.

– Как же это?

– А вот так, секретарь. Не веришь – отправь своих бойцов посмотреть.

– Я верю, но надо проверить. Не в обиду тебе... как звать?

– Поликарпом при рождении нарекли.

– Не в обиду тебе, Поликарп, но проверить надо хотя бы потому, что в деревне мог кто-то выжить. Возможно, есть раненые или дети, которых родители спрятали.

– Ты начальник, тебе и решать.

Осетров повернулся к Карасько.

– Ты, Иван, политрук, твоя обязанность работать с людьми. Вот и работай, пока я разведку в Лозу отправлю.

– Да, Павел Дмитриевич.

Политрук, взводные и рядовые партизаны стали успокаивать сельчан. Кто-то расспрашивал про своих родных.

Осетров вызвал к палатке начальника разведки, бывшего комсорга районной МТС Игната Лазурина.

Тот тут же прибыл и сказал:

– Я все понял, Павел Дмитриевич, и послал бойца собрать моих людей на восточном краю леса.

К ним подошли партизаны, которые были родом из Лозы.

Старший из них, мрачный, как-то посеревший, заявил:

– Мы тоже пойдем!

– Я понимаю ваше состояние, мужики, но толпой идти в деревню нельзя, – сказал Осетров, взглянул на старшего из Лозы, отделенного командира первого взвода Родиона Коняева, и продолжил: – Ты бы не настаивал, а, напротив, повлиял бы на односельчан.

Коняев сощурил глаза.

– А скажи мне, командир, кто из твоей семьи остался в районе? Кто из нее во время налета гитлеровцев был на деревне?

Осетров, сильно простуженный, откашлялся и проговорил:

– Ты же знаешь, Родион, что семьи всех руководителей района, начальников органов НКВД, отдела ГБ, офицеров, воюющих на фронте, были вывезены в тыл по распоряжению первого секретаря обкома партии. Он поручил такой приказ из республиканского ЦК. Зачем спрашиваешь о том, что тебе известно?

– Значит, твоя родня в безопасности. Ну, конечно, все же семья второго секретаря райкома. А вот моя Дарья да сыновья четырех и восьми лет остались в Лозе. Их эвакуировать приказа не поступало, потому как мы простые колхозники. Ты хочешь остановить нас?

– Пойми, Родион, вы сейчас не в колхозе находитесь, а в партизанском отряде, войсковой части, действующей в тылу противника.

– И чего ж такого мы, бойцы действующей части, сделали немцам, что они загубили наши семьи? Мы же еще ни разу не выходили из леса...

Его прервал боец того же взвода Анатолий Березин:

– Нечего попусту лясы точить, Родион. Наши семьи пожгли, а ты устроил не пойми что. Сказано, идем на деревню, значит, идем. И никто тут нам не указ! – Березин резко повернулся к командиру отряда. – Может, прикажете всех нас расстрелять за неповиновение, Павел Дмитриевич? Так отдавайте приказ. Мне интересно будет посмотреть, кто из отряда пойдет в расстрельную команду.

– Чего ты мелешь, Толя? – Командир отряда тяжело вздохнул. – Какой расстрел?

На помощь Осетрову пришел начальник разведки:

– Пусть идут с нами, командир. Все одно мужиков не остановить, а там они, может, и сгодятся. С ними мы тщательнее пожарище осмотрим.

Осетров кивнул.

– Хорошо. Родион, ты старший над мужиками из Лозы, но подчиняешься Лазурину.

– Да брось ты, секретарь, эту бюрократию. До сих пор не понял, что у нас убили семьи? – Голос Коняева сорвался на крик.

– Держись, Родя, не шуми, – сказал Березин. – Командир не виноват в том, что так случилось. Да и все мы. Никто из нас и представить себе не мог, что немцы способны на это.

– Ну да, не способны. А как они стреляют евреев, дают танками таборы цыган? Мы для них не лучше. Ладно, все наши тут?

– Все.

Коняев повернулся к начальнику разведки.

– Когда пойдем, Игнат?

– Да сейчас и пойдем. Мой боец ручной пулемет на всякий случай возьмет да санитарную сумку и двинемся.

Разведчики и мужики из Лозы взяли из табуна лошадей, одну из них запрягли в повозку. С ними стали напрашиваться недавние жители Ясино, Карчехи и Павлинки, но тут уж категорически против выступил начальник разведки. Пришлось людям отстать.

Конный отряд, состоящий из восьми разведчиков и шести жителей Лозы, прошел сторожевой пост и двинулся полем вдоль балки, смещаясь на юго-восток. Ему следовало преодолеть чуть более пятнадцати километров. Лазурин выслал вперед головной дозор из двух всадников.

Вооружение у партизан было слабое – винтовки Мосина да охотничьи ружья. У командира еще пистолет «ТТ» да пара гранат «Ф-1». Этот недостаток огневой мощи в какой-то степени компенсировал пулемет Дегтярева.

Отряд шел осторожно, оттого и медленно. Немцы ушли, но могли и вернуться, если не затаились где-то рядом, в том же лесу, который находился между дорогами, ведущими на Ясино с Лозой, Карчеху и Павлинку. Но по пути обошлось без происшествий.

Все партизаны издали почувствовали запах гари и еще какой-то, доселе неизвестный, сладковатый. Они подошли с севера, от оврага. Лазурин приказал своим бойцам разойтись и охватить то, что осталось от деревни. Мужиков из Лозы он не тронул, те пошли прямо.

Телега встала на небольшой возвышенности. Возчик приладил к борту телеги пулемет, вставил магазин, приготовился к стрельбе.

От того, что мужики увидели, у них кровь застыла в жилах. Вместо деревушки перед ними лежало одно сплошное пожарище. Все хаты, бани, сараи, овины, хлева были сожжены. Побитый скот валялся по всей Лозе. На околице высился холм из головешек. Это и был тот новый сарай.

Разведчики пошли вокруг деревни, высматривая кого-нибудь в кустах, ямах, мелких буреках. Мужики же отправились на пожарище, шагали по черной земле, по головешкам.

Коняев встал напротив своего подворья. Он смотрел на пепелище, а видел хату с резными наличниками, жену Дарью в красивом сарафане, с венком из полевых цветов поверх густых черных, длинных волос. Рядом, у косилки, во дворе, строили из песка дом их малые сыновья. За хатой цветущий сад, в палисаднике сирень. Перед только что поставленным плетнем молодая березка, которая словно плакала в одиночестве, опустив к земле ветви.

По грубым щекам непроизвольно потекли слезы. Родион смахнул их и огляделся, не видел ли кто. Но плакали и все остальные. Странное и страшное это зрелище – плачущие здоровые, сильные мужики, способные, казалось бы, защитить от любого врага не только себя, но и других людей.

Потом они без какой-либо команды подошли к сгоревшему сараю и встали возле него.

Березин шагнул было к пожарищу, испускающему приторно-сладкий запах, но услышал крик сзади:

– А ну стой! Замри, дурень, или пальну!

Мужики обернулись.

Разведчики бросились к своему товарищу, который кого-то заметил, а он уже вытащил из крапивы паренька лет восьми.

Кровь ударила в голову Коняева.

– Петька! – воскликнул он, без сил опустился на обгоревший столб, когда-то бывший опорой плетня, тут же вскочил, бросился к парню. – Не стрелять! Это сын мой, Петька!

Паренек, измазанный сажей, вырвался из рук разведчика и бросился к отцу.

– Папаня!

Отец подхватил сына на руки, крепко прижал к себе.

– Ты живой, сын!

– Да, папаня. А мамку и Витька с остальными деревенскими сожгли полицаи.

– Знаю, сынок.

– Не дави так, мне больно. Я ребра и ногу зашиб.

Коняев отпустил сына, поставил на землю.

Разведчик, ходивший неподалеку, крикнул:

– Эй, Игнат, тут два труп. Ба, да это же полицаи, Евдоким Буганов и Николай Шмаров. Оба убиты, похоже, из пистолета.

Начальник разведки подошел, посмотрел и сказал:

– Да. Это Буганов и Шмаров! Их-то кто завалил?

Снова раздался крик неподалеку:

– Еще трупы! Старосты и Фомы Болотова!

Игнат посмотрел на тело Косарева и проговорил:

– А они ведь застрелены из того же ствола, что и полицаи. Ничего не пойму. Их-то кто мог? А ведь сын Родиона что-то сказал о полицаях. Идем.

Разведчики подошли к Коняеву, который стирал с лица сына копоть.

– Родион!

– Ну?

– Петька твой что-то о полицаях говорил. Неподалеку трупы двух местных полицейских, старосты и Фомы Болотова. Дозволь поговорить с пареньком.

– Вы испугаете, я сам. – Он взял сына за руки. – Ты, Петя, чего говорил о полицаях?

– Так это, батя, все они учинили. Людей завели в сарай, закрыли, потом натаскали соломы, облили бензином и подожгли. Немцы только заставили народ собраться. Их старший говорил о евреях, еще о чем-то, чего я не слышал, потому как был не со всеми. Живот прихватило, я и ушел в бурьян. А когда собрали всех и выступил старший немец, отполз далеко в крапиву. Туда никто не полез бы.

Лазурин не выдержал и спросил:

– Но ты хоть видел, что там было?

Паренек не по возрасту разумно ответил:

– А от кого я узнал бы, что полицаи подожгли сарай?

– Тоже верно.

Коняев повернулся к начальнику разведки отряда.

– Ты погодь, Игнат, я сам. – Он посмотрел на мальчика. – Расскажи, что видел, сынок.

Паренек вдруг расплакался.

Отец вновь прижал его к себе.

– Успокойся, Петя, не надо. Ты же у меня взрослый, сильный.

Паренек затих, шмыгнул носом и проговорил:

– Немец выступил, потом народ весь пошел к сараю. Полицаи по сторонам шагали, но ружья держали за спиной.

– Неужто народ сам пошел? – спросил Игнат.

– Да, – ответил сын партизана. – Полицаи людей не гнали. Только рядом шли. А главный их, Калач...

Лазурин нагнулся к нему.

– Как ты сказал? Калач?

– Ну да, я потому и запомнил, что имя простое, Калач. У нас мамка калачи пекла. – Паренек опять заплакал.

Отец опять успокоил его, и Петруха сказал:

– Этот Калач сначала с немцами шел. Там был офицер в черной форме. На воротнике мундира с одной стороны молнии, с другой – три квадрата.

– Гауптштурмфюрер, – сказал Лазурин. – А такой в районе один, командир роты СС. Продолжай, Петя.

– Калач этот потом, когда всех закрыли, командовал полицаями. Они подожгли сарай. А он больше перед немцем, у которого были кинокамера и фотоаппарат, вертелся. У этого Калача еще пистолет был. Такой же, как у нашего участкового до войны. Он часто нам его показывал.

– Участковый носил «ТТ», – вырвалось у Лазурина. – А немец, значит, снимал все на камеру и фотографировал?

– Да. Калач потом отошел, а после я выстрелы слышал, четыре штуки. Хотя нет, еще стреляли из автоматов на околице. Кто-то, наверное, хотел сбежать.

– А потом?

– Потом полицаи стали жечь деревню. Как все загорелось, я больше ничего не видел. Жар был сильный, не смог подползти к сараю, а хотел открыть ворота. – Он опять заплакал, и отец прижал его к себе.

Лазурин взглянул на своих разведчиков.

– Вот, значит, как. Но почему и кто убил старосту и местных полицаяв? Наверное, потому, что могли потом рассказать о том, что здесь было. Надо бы узнать, что стало со старостами и полицаями других деревень и села. Но мы туда сейчас не пойдем, иначе и до ночи не вернемся. А налететь на карателей можем легко. Еще раз все осмотрим и уходим!

Повторный осмотр ничего не дал.

Партизаны с Петькой отправились обратно в Осиповский лес.

Когда разведчики и мужики из Лозы вернулись в лагерь, Лазурин провел Коняева с сыном в штабную палатку. Там что-то оживленно обсуждали командир, политрук и начальник штаба, должность которого временно исполнял командир второго взвода лейтенант Образцов.

В августе в Осиповский лес, где формировался отряд, случайно зашла группа красноармейцев, выходящая из окружения. Она состояла из двенадцати человек во главе с этим офицером. Все они остались в отряде. Лейтенант был назначен на должность командира взвода, доукомплектованного восемью местными мужиками. Осетров планировал, что он станет штатным начальником штаба отряда.

Командование отряда смолкло, как только начальник разведки зашел в палатку вместе с Коняевым и его сыном. Взоры устремились на паренька.

– А это кто? – спросил политрук.

– Сын мой, Петруха. Только он и остался в живых в Лозе, – ответил Коняев и передал командирам рассказ сына.

Они выслушали его молча. Лица их помрачнели.

– Вот, значит, как? Полицаи были орудием в руках немцев. А сволочь Калач каков! Это же надо лично угробить столько людей! Раньше, до войны, он был директором автобазы. Такой примерный, за гаражом следил строго, запчасти сам добывал, в актив района входил, а сейчас? Начальник районной полиции, убийца, насильник. Да, мы многих врагов проглядели, а еще я выступал против арестов. Надо было сажать всех тех, кто попадал под подозрение. Проявили мягкотелость и получили в итоге. Активист и коммунист в прошлом, конечно, тихоня Роденко в бургомистры выбился, Калач – в главные полицаи. К нему подался еще десяток, казалось бы, нормальных советских граждан. И вот что они содеяли! – проговорил Осетров.

Политрук Карасько взглянул на него и сказал:

– Да не вини ты себя, Павел Дмитриевич. Все мы хороши, раз проморгали столько негодяев, настоящих душегубов. – Он посмотрел на Коняева и спросил: – Значит, Родион, в Лозе всех сожгли?

– Всех. Вот только Петька...

– Да, считай, второй раз родился.

– Мамку с братом вспоминает, плачет. Ему всего восемь лет, а на голове уже седые волосы.

– Ты иди, Родион, будь с сыном, – сказал командир отряда. Передай мой приказ Петра поставить на учет как полноценного бойца и кормить так же, как и всех партизан.

– Ладно. Пошли, сын.

Коняев с сыном вышли из палатки.

После этого начальник разведки спросил у политрука:

– Ты же, Иван Михайлович, был заместителем Калача?

Карасько кивнул.

– Да, был.

– Как же Калач долгие годы маскировался под активиста, советского гражданина?

– Он и был советским гражданином, краснознаменцем, крепким хозяйственником. Но в душу-то ему не заглянешь!

– Отловим и заглянем. – Лазурин перевел взгляд на командира отряда. – Павел Дмитриевич, я как сюда шел, обратил внимание, что бойцов в отряде как бы меньше стало. Мне это показалось?

Осетров вздохнул и ответил:

– Нет, Игнат, не показалось. Восемь человек ушли из отряда, двое из первого взвода и по трое из остальных.

– Как это ушли?

– А так, жены их увели. Такой гвалт подняли. Мол, не желаем, чтобы и нас расстреляли. Целый бунт устроили. Вот мужики и подались по домам.

– Их надо было остановить.

– Как? Их никто не мобилизовал, пришли добровольно, так же и ушли. Остались только те, у кого семей больше нет, и молодые, которые не успели еще ими обзавестись. Есть, правда, четверо бойцов, у которых родные в Павлинке. Те пока в отряде. Но надолго ли?

Тут подал голос кадровый военный лейтенант Образцов:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.